

EDN: SOYDVN

«Стреляйте! Он не виноват!» (к 130-летию М. Я. Уфаева)*

По истории советской энергетики опубликовано огромное количество литературы. Вместе с тем, нельзя не признать, что в библиографии развития отрасли до сих пор сохраняются лакуны и белые пятна. Это относится не только к научно-технической проблематике, но и ко всему отраслевому сообществу, включая первых лиц административной вертикали. Об одном из достойных её представителей, Михаиле Яковлевиче Уфаеве, излагается в предлагаемом материале.

М. Я. Уфаев родился 9 октября 1895 года в бедной крестьянской семье в деревне Никольское Дубровской волости Пензенской губернии. Детство было тяжёлым и безрадостным. Одновременно с учёбой в начальном двухклассном училище и работой по дому мальчик был вынужден батрачить у одного из зажиточных селян. Позже в поисках работы Михаил перебрался в Москву, где устроился сторожем, а затем пекарем на хлебозаводе городской управы. Следующим этапом скитаний стал Кронштадт, где он работал грузчиком на Балтийском заводе, молотобойцем в порту, был моряком на казённом пароходе.

Социальные контрасты и повседневная жизнь обездоленного человека стали питательной средой для сближения Михаила Яковлевича с революционными кругами. Об этом наглядно свидетельствует его дальнейший послужной список: участие в июльском восстании в 1917 году в Петрограде, штурме Зимнего дворца, разгоне Учредительного собрания, подавлении корниловского мятежа, боях с частями Юденича на гатчинском фронте.

Столь же динамичной была и военно-политическая деятельность М. Я. Уфаева: служба в Красной армии, вступление в РКП(б) в октябре 1918 года. В середине двадцатых годов основной стала судейно-правовая деятельность в профильных структурах столицы.

Переломным рубежом в биографии Михаила Яковлевича стал 1928 год, когда на смену социальным и трудовым исканиям пришло твёрдое осознание, своего рода императив, того, что смыс-

лом дальнейшего жизненного пути может и должна стать научно-техническая деятельность. Окончательное формирование мировоззрения М. Я. Уфаева протекало в процессе поступления по линии «парттысячной квоты» в Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана, последующей учёбы в Московском энергетическом институте, созданном на базе электротехнического факультета училища и структур Московского института народного хозяйства. В 1932 г. Михаил Яковлевич окончил МЭИ по специальности «Тепловые станции» с присвоением квалификации инженера-электрика.

Большой жизненный опыт выпускника престижного вуза стал аргументом при назначении его директором ТЭЦ-8, минуя многоступенчатую должностную вертикаль. Теплоцентраль была одной из старейших действующих электростанций Москвы. Первая опытная ТЭЦ ТЭЖЭ (в настоящее время ТЭЦ-8 ПАО «Мосэнерго») была запроектирована в 1927 году, построена в 1928–1929 годах и введена в эксплуатацию 1 мая 1930 года. Она предназначалась для снабжения теплом заводов, находившихся рядом с трестом ТЭЖЭ (комбинат «Клейтук»). Кроме того, ТЭЦ-8 снабжала паром и горячей водой потребителей ближайшего района, включая районную баню, фабрику-прачечную и жилые здания. Именно с ТЭЦ-8 началось внедрение технологий высоких и сверхвысоких параметров пара в электроэнергетике СССР. В основу эксплуатации ТЭЦ-8 было положено изучение оборудования, работающего при высоких давлениях и температурах. В короткие сроки были проведены испытания и зафиксированы характеристики работы котлов, турбин, системы водоподготовки. Были созданы альбомы чертежей запорной арматуры, деталей топок с нижней подачей топлива, подобраны ме-

таллы, выдерживающие работу при высоких давлениях и температурах. Всё это позволило наладить изготовление запасных деталей для арматуры, насосов и сложной механической топки из отечественных материалов. Наблюдения, сделанные в процессе эксплуатации ТЭЦ-8, обобщались и публиковались в технической литературе для использования на вводимых в действие станциях высокого давления.

В 1935 – 1936 годах М. Я. Уфаев руководит Краснопресненской ТЭЦ (ТЭЦ-7), а с апреля 1936 по 1937 год — МГЭС-2 на Болотной набережной, известной как Трамвайная ГЭС. Череда его назначений директором станций объяснялась большим опытом выстраивания отношений с людьми. В конечном счёте это сказывалось на функционировании главных объектов отрасли: улучшении их эксплуатационных характеристик, стабильности кадрового состава, заметном снижении аварийности и др.

4 сентября 1937 года, после перевода М. Г. Первухина с должности управляющего Мосэнерго на пост начальника Главэнерго НКТП, открылась вакансия руководителя столичной энергетики. Руководство Наркомтяжпрома по согласованию с Московским комитетом партии приняло решение о назначении

Рис. 1. М. Я. Уфаев, матрос Балтийского флота. Вторая половина 1910-х гг.

Статья поступила 08 июля 2025 г., принята к опубликованию 23 сентября 2025 г.

* Автор благодарит Музей Мосэнерго и энергетики Москвы за предоставление фотоматериалов.

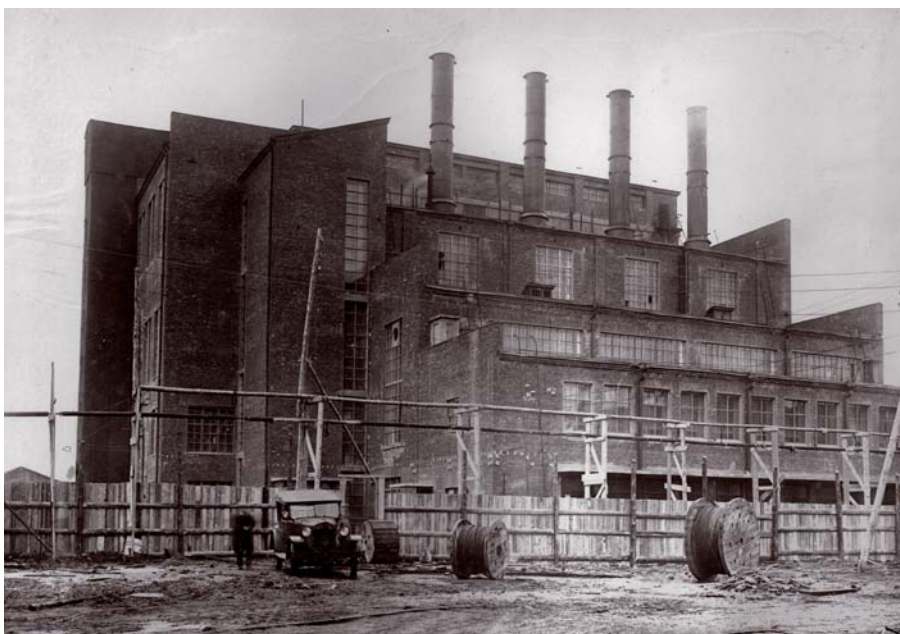

Рис. 2. ТЭЦ ТЭЖЭ (в настоящее время ТЭЦ-8 Мосэнерго). 1930-е гг.

главой Мосэнерго с 8 сентября 1937 года М. Я. Уфаева. Этот вердикт опирался на высокие показатели его предыдущей работы в энергетической отрасли. Приказ о назначении был подписан наркомом Л. М. Кагановичем 2 октября 1937 года.

Служебный взлёт М. Я. Уфаева совпал по времени со стремительным развитием энергетической отрасли, которое корреспондировалось с принятой в феврале 1934 года резолюцией XVII съезда ВКП(б) «О втором пятилетнем плане», намечавшей создать новую энергетическую базу для завершения реконструкции всех отраслей народного хозяйства. Предусматривалось строительство в стране 79 районных электростанций. В Московском регионе к 1937 году мощность электростанций планировалось довести до 2350 тыс. кВт. В Москве предполагалось построить и ввести в действие Сталинскую (1933), Фрунзенскую (1933), Ленинскую (1934, для районов Замоскворечья), Савёловскую (1934), Сокольническую (1935) ТЭЦ; в Подмоскovie Бобриковскую (1933), Мытищинскую (1934), Кунцевскую (1934) ГРЭС, Оршинскую торфяную ТЭЦ (1935), Окскую ТЭЦ (1935, для Калуги и Алексина), Серпуховскую ТЭЦ (1935); две ГЭС на Большой Волге (1936). Кроме того, предполагалось увеличение мощности действующих станций. В 1937 году максимум нагрузки Московской энергосистемы впервые превысил величину в 1 млн кВт.

Одним из достоинств М. Я. Уфаева было безукоснительное следование принципам управленческой субординации. Однако неизменная пунктуальность служебной иерархии однажды обернулась для него серьёзными издержками. В связи с системной нехват-

кой энергомощностей в предвоенные годы в основу их распределения был положен принцип лимита потребления электроэнергии. Нарушение его жёстко наказывалось. Энергетики столицы неукоснительно следовали этим правилам, и когда завод «Электросталь» в очередной раз превысил предельную планку электропотребления, что грозило распадом всей городской энергосистемы, главный инженер Мосэнерго Н. А. Андреев с согласия М. Я. Уфаева отключил подачу электроэнергии в электросталелитейный цех завода — головного предприятия Наркомчермета. Однако за нарушение технологического процесса было наказано не руководство «Электростали», а первые лица Мосэнерго. По итогам судебного разбирательства Уфаев был уволен с долж-

ности управляющего энергосистемой и осуждён городским судом к общественному порицанию — редчайшему для предвоенной эпохи судебному фарсу. Очевидно, что причинами столь лояльного вердикта были невиновность Уфаева, его верность советской власти, её идеологии и практике и, наконец, глубокие опыт и знание энергетики. Перечень его должностей в последующие три года (1940 – 1943 гг.) свидетельствует о широкой известности и востребованности «опального патриота»: руководитель строительства Дербеневской и Калужской ТЭЦ, начальник Топливо-энергетического управления Мосгорисполкома, директор МГЭС-1 (ГЭС им. П. Г. Сидовича), директор ТЭЦ-12 и, наконец, последняя промежуточная генерация Сталинская ТЭЦ-11 (ныне имени М. Я. Уфаева). Логичным завершением «турне» по столичным электростанциям стало возвращение Михаила Яковлевича в марте 1943 года на должность управляющего Мосэнерго.

М. Я. Уфаев почти не участвовал в тяжелейшей компании по эвакуации энергопотенциала Москвы и Подмоскovie в начале войны, но на него легла не менее тяжёлая ответственность за реэвакуацию вывезенного потенциала, т.е. возвращения оборудования в места его изначального размещения. При этом речь шла не только о московских объектах, но и о таких лидерах отрасли, как Каширская, Сталиногорская, Алексинская и другие генерации, территориально находившиеся за пределами столицы. Большой объём работ включал также демонтаж и размещение собранных в 1943 – 1944 гг. в Мосэнерго семи энергопоездов суммарной мощностью 6525 кВт [1, с. 93]. Кроме того, восстановление московской энергетики требовало больших логистических усилий по гармонизации материальных ресурсов, кадровой оптимизации, совершен-

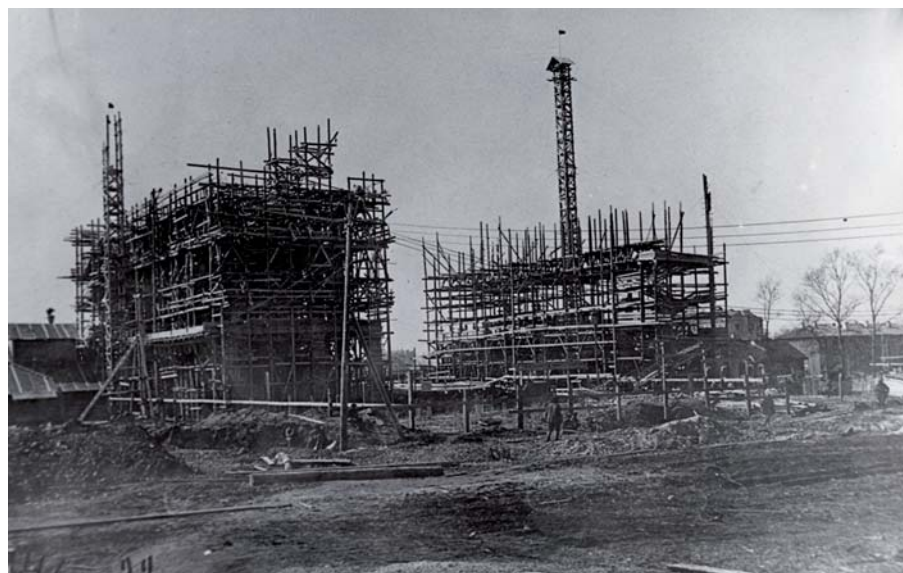

Рис. 3. Строительство Сталинской ТЭЦ (в настоящее время ТЭЦ-11 им. М. Я. Уфаева Мосэнерго)

ствованию территориальных связей, организации сбыта, транспортного сообщения и других направлений хозяйственного строительства. Восстановление энергетического потенциала Москвы и прилегающих территорий необратимо перерастало в их системное развитие, юридически закреплённое в программах четвёртого, пятого и шестого пятилетних планов. Главную ответственность за рождение большой послевоенной столичной энергетики нёс М. Я. Уфаев.

Уже к концу 1945 года Мосэнерго успешно решило важнейшие вопросы реанимации отрасли: была налажена система топливообеспечения станций, вплоть до регулярной поставки по волжской акватории бакинской нефти с топливом для ГЭС-1 на Раушской набережной, восстановлены и укреплены важнейшие участки электросети Мосэнерго, улучшилась кадровая ситуация в системе. В итоге установленная мощность генераций Мосэнерго, упавшая с 1156 МВт в 1940 г. до 668 МВт в 1941 г., возросла в 1946 г. до 1364 МВт, т.е. превзошла довоенный уровень более чем на 200 МВт [1, с. 96]. Приведённые цифры свидетельствуют о высоком уровне организации и профессионализма работы коллективов станций и руководства энергосистемы во главе с М. Я. Уфаевым. Это неопровержимый факт, поскольку в течение военных лет оборудование эксплуатировалось на износ без нормативно обязательных ремонтно-технологических и профилактических пауз.

Послевоенная деятельность Мосэнерго протекала в соответствии с законом о четвёртом пятилетнем плане, в котором говорилось: «В области электрификации форсировать восстановление и строительство электростанций,

с тем, чтобы рост их мощностей опережал восстановление и развитие других отраслей» [2, с. 106]. Из расширенных и вновь введённых генераций назовём Фрунзенскую ТЭЦ, Сталинскую ТЭЦ (ныне ТЭЦ-11 им. М. Я. Уфаева), ТЭЦ-7, ТЭЦ-8, ТЭЦ-15, ТЭЦ-16, ТЭЦ-20, а также Ступинскую ТЭЦ, Сталиногорскую, Каширскую и Шатурскую ГРЭС. Стремительно развивались и смежные промышленные отрасли. Так, ввод в строй газопровода Саратов – Москва позволил использовать более технологически и экономически эффективное топливо. Другим знаковым событием стало создание Объединённой энергосистемы Центра (ОЭС Центра) с единым диспетчерским управлением (ОДУ Центра), ставшим точкой роста Единой энергетической системы СССР.

Широта технологической новизны в энергетике стремительно росла, но приоритетом в ответственности за отрасль для Михаила Яковлевича по-прежнему оставалось развитие тепловых электростанций. Предметом его наибольшего внимания и усилий в пятидесятые годы стало возведение и ввод в эксплуатацию Черепетской ГРЭС. С первых шагов отечественная теплоэнергетика развивалась в соответствии с логикой постепенного ступенчатого наращивания мощностных показателей производства. Доминантной характеристикой выступало давление рабочего тепла (пара). Темпы роста выглядели следующим образом (возрастали постепенно): 1925 – 1930 гг.: 16 – 18 атм; 1930-е – 1940-е гг.: 30 – 35 атм; 1940-е – 1950-е гг.: 90 атм и т. д. И вдруг проектно-конструкторское бюро Мосэнерго вбрасывает в научно-техническое сообщество пилотную идею о разработке,

строительстве и эксплуатации теплоэлектроцентрали с оборудованием на качественно более высокие технологические характеристики: давление и температура 180 атм и 550 °С; мощность турбогенератора 150 МВт вместо максимальных на текущий момент 100 МВт (Сталиногорская и Зуевская ГРЭС).

Экспромт не был абсолютно неожиданным: подобные футурологические проекты рассматривались Подольским и Таганрогским котельными заводами, Ленинградским металлическим заводом и другими профильными объединениями. Мотивацией смелости столичных проектировщиков были предварительные расчёты экономии подмосковного угля. При полной мощности ГРЭС и переходе её с максимального на тот момент давления 90 атм на сверхвысокие параметры пара экономия топлива составляла бы 625 тыс. т в год [3, с. 216]. В этом предложении, несомненно, были элементы риска и даже бравады на почве заволаживающего послевоенного броска отрасли. Все ведущие отраслевые структуры ТЭП, ВТИ, ЦКТИ и др. с настороженностью отнеслись к рискованной затее. Производственники: ЛМЗ, «Электросила», котлостроители Таганрога и др., напротив, высказались за проведение эксперимента. В результате длительных острых дискуссий 23 ноября 1948 года Технический совет Министерства электростанций утвердил проектное задание Черепетской электростанции мощностью 300 МВт с двумя блоками по 150 МВт на сверхвысокие параметры пара 170 атм и 550 °С.

Предстояло самое трудное, осуществлявшееся впервые: использование новых марок жаропрочных сталей, самого высокого в мировой теплоэнергетике давления пара, столь мощного турбогенератора в одновальном трёхцилиндровом исполнении и т. д. О степени неизвестности и новизны ситуации свидетельствует тот факт, что первоначально пуск турбины из холодного состояния требовал затрат времени в шесть-семь суток. Поднять обороты на турбогенераторе до нормативной величины удавалось после двадцати пусков. Масса деталей плавилась, не выдерживая перепадов температур. Из-за разрыва экранных труб и шлакования топок парогенераторы останавливались более 25 раз. Лишь ко второй половине пятидесятых годов отладилась работа станции. В тяжелейшей кампании по нормализации эксплуатации Черепетской ГРЭС активно участвовал и М. Я. Уфаев.

Черепетский триумф имел международный резонанс. В неизвестное прежде русское поселение хлынули учёные и инженеры Германии, Франции, Канады, Италии, Японии. Наибольший инте-

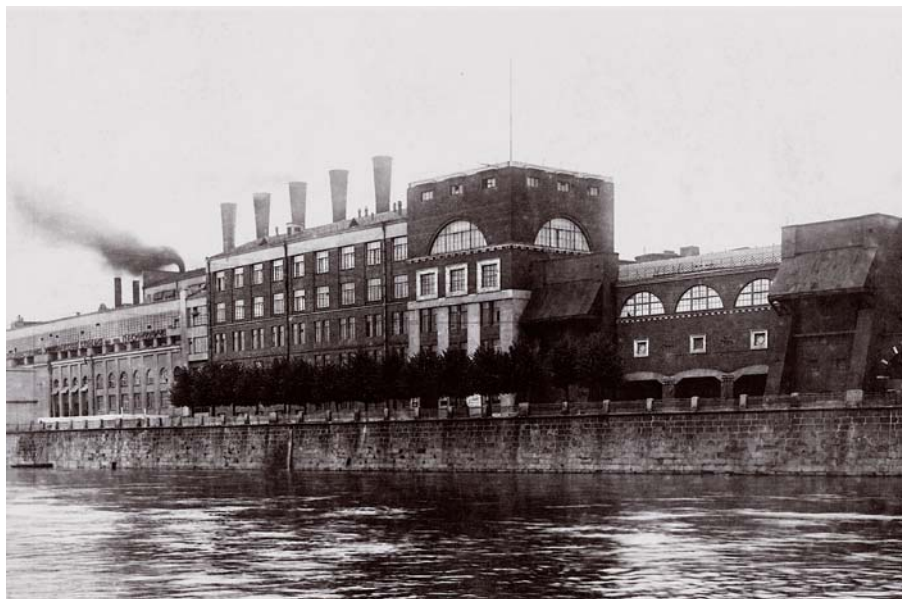

Рис. 4. Здание Мосэнерго. 1930 – 1940-е гг.

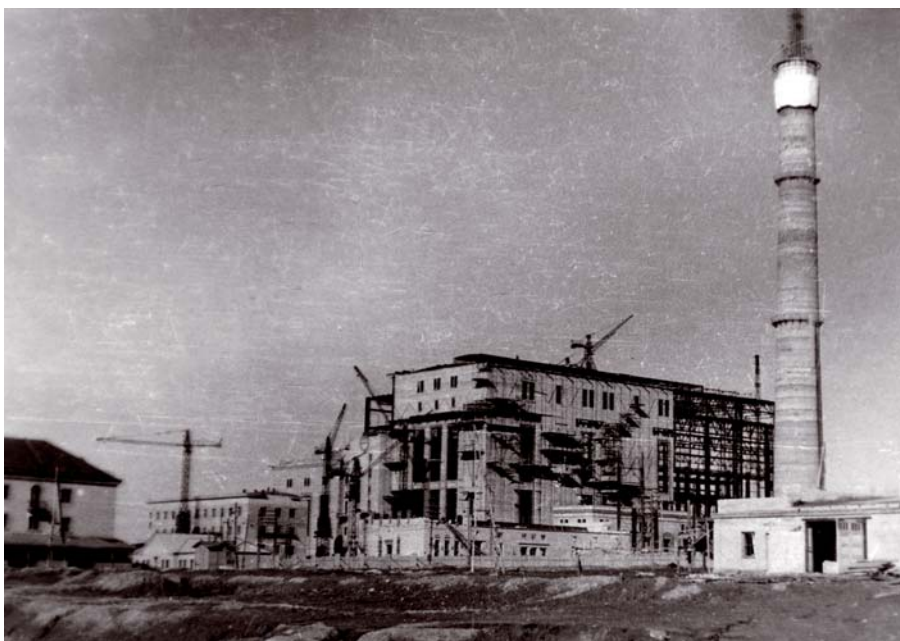

Рис. 5. Строительство Черепетской ГРЭС (в настоящее время им. Д. Г. Жимерина)

рес к «советскому энергетическому чуду» проявили специалисты США. Руководитель одной из американских комиссий писал в послании М. Я. Уфаеву: «Это самая чистая тепловая электростанция, которую я когда-либо видел».

Я был восхищён желанием ответственных руководителей детально ознакомиться с оборудованием, а также непринуждённым обсуждением трудностей, встреченных при эксплуатации агрегатов подобных параметров, впервые выпущенных в стране.

Я благодарен вам за любезность и доброту. М. Хайят» [3, с. 223].

К сожалению, в управлении Мосэнерго баланс между производственными победами и повседневными трудностями для М. Я. Уфаева был не в пользу «черепетского успеха». Иногда события доходили до высокой вероятности трагического исхода, как это было с печально знаменитой энергетической аварией, произошедшей в Москве 18 декабря 1948 года. С точки зрения её эксплуатационно-технологической стороны существует исчерпывающая аналитика случившегося, например [4, с. 122 – 124]. Хотелось бы изложить произошедшее с социально-нравственных позиций, тем более что они до сих пор остаются в тени.

Авария произошла вечером. На улицах было уже темно, в окнах горели огни, и вдруг город погрузился во тьму. Полностью отключилось электропитание, обесточились энергетические объекты, остановился транспорт, потух свет в Кремле. Был морозный вечер, и столу освещали лишь мерцавшие на небосклоне звёзды. Беспрецедентная авария была наиболее тяжёлым испы-

танием для руководителя отрасли Д. Г. Жимерина. Спустя почти сорок лет Дмитрий Георгиевич рассказал о случившемся следующее: «Около 8 часов вечера я по резкому изменению накала электролампочки понял, что где-то в сети произошла крупная авария. Сбежав вниз к дежурной автомашине, я помчался на диспетчерский пункт Московской энергосистемы. Освещения на улице не было. Окна в домах были тоже тёмными. Проезжая мимо Кремля, с тревогой заметил, что и он потонул во мраке. Диспетчер доложил, что по непонятной причине отключилась линия электропередачи высокого напряжения, по которой в Москву передавалась энергия Рыбинской ГЭС. Повторные включения линии не давали результата, ибо автоматическая защита вновь и вновь отключала её. Сталиногорская ТЭС тогда была восстановлена только частично, так что Рыбинская покрывала почти треть необходимой нагрузки. Внезапная потеря такой мощности привела к недопустимой перегрузке других электростанций. Турбогенераторы автоматически стали отключаться».

Московская энергосистема не имела тогда резерва мощностей и в результате произошёл её «развал». На нас обрушились тысячи звонков с требованиями «немедленно, экстренно, вне всякой очереди» и т. п. подать электроэнергию. Непрерывно звонили из Кремля. Позднее, при обсуждении случившегося, некоторые излишне горячие головы почитали это происшествие диверсией. Но после спокойного разбора дела выяснилось, что причина аварии лежала в другом: произошёл разрыв одного из трёх проводов линии. Разрыв же явился

следствием того, что провод выскользнул из соединительной муфты, которая смыкает провода. Возможно, в условиях суровой зимы (декабрь 1941 г.), когда спешно сооружалась линия электропередачи Рыбинская ГЭС – Москва, монтажники слабо запрессовали провод. После того, как причина аварии была установлена, линию удалось исправить, и Москва стала снова получать ток из Рыбинска» [5, с. 98].

Редакторское перо, прошедшее по рукописи Д. Г. Жимерина, сгладило остроту случившегося, да и сам автор о многом умолчал: сказались скромность министра и институт самоцензуры. О том, как в действительности обстояло дело, автору настоящего материала рассказал зять Дмитрия Георгиевича Ю. П. Михайлов, в деталях слышавший его рассказ о произошедшем, хотя Жимерин и не любил об этом вспоминать.

Тезисное изложение воспоминаний Д. Г. Жимерина об аварии в пересказе Юрия Петровича выглядит так: «Как только погас свет, я, не одеваясь, стремглав вылетел из кабинета и через пятнадцать минут был на диспетчерском пункте Мосэнерго, расположенном на Раушской набережной, практически напротив министерства. Когда я вбежал в диспетчерскую, там было полно народа. Среди толпившихся находилось несколько человек «с Лубянки», невероятным образом оказавшихся в здании Мосэнерго раньше меня. В крикливо-грубой манере они сразу же стали настаивать на диверсионном характере аварии. Побледневшие от страха диспетчеры с трудом и, путаясь, выполняли необходимые первоочередные действия».

Вдруг резко распахнулась дверь, и в диспетчерскую ворвался в сопровождении нескольких офицеров Л. П. Берия. Ситуация ещё более обострилась. Криком и нецензурной бранью он полностью парализовал работу персонала. Тогда я вмешался в ситуацию и потребовал, чтобы все представители «органов» немедленно покинули диспетчерский пункт. От такой «дерзости» Берия лишился дара речи. В следующий миг ситуация ещё более накалилась. Берия стал упрекать меня в непрофессионализме и угрожать, что «это так не пройдёт». «А почему Кремль до сих пор в темноте, когда по правилам технического обслуживания должна быть немедленно задействована система резервного автономного электропитания, находящаяся в вашем ведении?» — парировал я сыпавшиеся в мой адрес угрозы. Своим вопросом я попал в «десятку». Крикливый пыл Берии угас; стрельнув в меня злобным взглядом, он вместе со своими подчинёнными поки-

Рис. 6. М. Я. Уфаев в рабочем кабинете. 1950-е гг.

нул диспетчерскую, крикнув с порога: «Разговор продолжим завтра» [6].

На следующий день для выяснения обстоятельств аварии Д. Г. Жимерин и управляющий Мосэнерго М. Я. Уфаев были вызваны к Берии. В приступе гнева Берия выхватил пистолет и направил его на Уфаева. Жимерин в прыжке мгновенно заслонил его собой и бросил в лицо Берии: «Стреляйте, он не виноват!». В этот момент по правительственной связи раздался телефонный звонок. Звонил помощник И. В. Сталина А. Н. Поскребышев: Дмитрия Георгиевича вызывал Верховный. Жимерин и Уфаев тотчас покинули главный кабинет на Лубянке. Через пять минут они были в Кремле и подробно проинформировали Сталина об обстоятельствах аварии и принятых мерах, не сказав при этом ни слова о произошедшем у Берии. О трагическом эпизоде стало известно от М. Я. Уфаева» (Подробнее см. [7, с. 182 – 185]).

Лубянский эксцесс, несомненно, наиболее драматическая страница в судьбе Уфаева. Но и повседневная работа в должности руководителя крупнейшей в стране энергосистемы была источником постоянного напряжения, ответственности и готовности к непредсказуемым событиям в будущем.

Для упорядочения делопроизводства и оптимизации рабочего графика М. Я. Уфаев стремился к тематическому структурированию решаемых проблем и выявлению приоритетов с ориентацией на завтрашний день. Главными тематическими доминантами в сфере его трудовой деятельности были: рост мощностей как расширявшихся, так и новых станций; газификация отрасли;

рост параметров рабочего тела (температуры и давления пара); внедрение блочной компоновки оборудования; стремительное наращивание теплофикации с приоритетом удовлетворения коммунально-бытовых потребностей; ввод в эксплуатацию ЛЭП 400 кВт Куйбышев – Москва в рамках развития Единой энергетической системы СССР; реализация стратегии строительства новых теплоэлектроцентралей вдоль московской кольцевой дороги, т.е. формирование большого московского кольца ТЭЦ.

Тяжёлым бременем для Мосэнерго и его директора стала реализация постановления Совета Министров СССР от 22 мая 1957 г. «О мероприятиях, связанных с исполнением закона от 10 мая 1957 года “О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством”». Применительно к энергетической отрасли речь шла о децентрализации и разукрупнении её инфраструктуры с передачей всех значимых объектов в ведение советов народного хозяйства (совнархозов) территориально-административных регионов. В результате РЭУ Мосэнерго вошло в состав Московского городского совнархоза с одновременной утратой административных полномочий в отношении Сталиногорской, Черепетской и Щёкинской ГРЭС, Алексинской ТЭЦ, Тульского и Сталиногорского сетевых районов. Непродуманная и скоропалительная реформа, инициированная Хрущёвым, нанесла большой вред как отрасли в целом, так и системе Мосэнерго: были разрушены основы централизованного управления, децентрализован технико-экономический

формат, разбалансированы основы кадрового обеспечения.

Менявшийся трудовой уклад и децентрализация устоявшейся модели управления всё более входили в противоречие со сложившейся практикой функционирования народного хозяйства страны. Происходившее крайне тяжело воспринималось М. Я. Уфаевым, всё чаще задумывавшимся об исчерпанности пройденного пути. Ситуация усугублялась серьёзным заболеванием и воспоминаниями о тяжести пережитого: нищие революционные детство и юность, несправедливое изгнание в 1940 году с должности руководителя Мосэнерго, понимание своей полной невинности под направленным на него Берией пистолетом, безграмотная и вредоносная перестройка народного хозяйства, осуществлявшаяся Хрущёвым. В итоге Михаил Яковлевич принял роковое для его деятельной натуры решение о выходе на пенсию. Сил на новую жизнь в звании пенсионера хватило лишь на 57 дней. 26 ноября 1960 года М. Я. Уфаева не стало.

Память о замечательном человеке, советском патриоте и выдающемся энергетике увековечена присвоением его имени ТЭЦ-11 Мосэнерго, а также формированием персональных музейных экспозиций. Закончить рассказ об М. Я. Уфаеве хочется фразой, однажды услышанной от экскурсовода: «Москву наполнил он теплом и светом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Московская энергетика в годы Великой Отечественной войны / Под ред. А. Я. Копсова. — М.: Машиностроение, 2015. — 640 с.
2. 80 лет развития энергетики. От плана ГОЭЛРО к реструктуризации РАО ЕЭС России. — М.: АО «Информэнерго», 2000. — 528 с.
3. Липенский Г. В. Мосэнерго. Этапы становления. — М.: Энергоатомиздат, 2000. — 502 с.
4. Андреев Г. Л., Шандаров С. С. Мосэнерго. 130 лет развития / Под общ. ред. Е. В. Лушпаевой. — М.: Мосэнерго, 2017. — 256 с.
5. Жимерин Д. Г. Советская энергетика в Великую Отечественную войну и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 91 – 99.
6. Воспоминания Ю. П. Михайлова. Рукопись. Архив семьи Жимериных.
7. Гвоздецкий В. Л. Дмитрий Георгиевич Жимерин. Жизнь, отданная энергетике. — М.: Энергоатомиздат, 2006. — 312 с.

В. Л. ГВОЗДЕЦКИЙ, канд. техн. наук
Институт истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН
Москва
gvozdetskiy@inbox.ru